

Интервью
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/69-75>

"Расстаться с японоведением не могу...". Интервью с З. Ф. Моргун

Зоя Фёдоровна МОРГУН

независимый исследователь, Владивосток, Россия, zfmorgun@mail.ru

Ключевые слова: востоковедение, японоведение, российский Дальний Восток, Восточный институт, "Известия Восточного института"

Для цитирования: "Расстаться с японоведением не могу...". Интервью с З. Ф. Моргун // Известия Восточного института. 2024. № 3. С. 69–75. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/69-75>

Interview
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/69-75>

"I can't part with Japanese studies...". Interview with Z. F. Morgun

Zoya F. MORGUN

Independent Researcher, Vladivostok, Russia, zfmorgun@mail.ru

Keywords: oriental studies, Japanese studies, Russian Far East, Oriental Institute, "Oriental Institute Journal"

For citation: "I can't part with Japanese studies...". Interview with Z. F. Morgun // Oriental Institute Journal. 2024. No. 3. P. 69–75. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2024-3/69-75>

В год 125-летия Восточного института редакция нашего журнала обратилась к бывшим и нынешним сотрудникам ВИ, представителям разных областей науки, с просьбой рассказать о прошлом и настоящем дальневосточного востоковедения, о развитии своих кафедр и направлений исследований, о собственной профессиональной деятельности. Собранные материалы – очерки и интервью – в дальнейшем будут опубликованы на страницах "Известий Восточного института". В этом номере мы представляем вниманию наших читателей краткую версию беседы с выдающимся японоведом и первым ответственным редактором возрожденного в 1994 г. журнала Зоей Федоровной Моргун. К публикации данный материал был подготовлен А.А. Киреевым.

Зоя Федоровна, окончив восточный факультет ДВГУ, вы более 60 лет посвятили востоковедческим исследованиям. С чем был связан выбор вами этой профессии?

Я родилась в 1947 году на острове Русском, где находилась воинская часть, школа связи. Мой папа был военный, и мы жили в закрытом гарнизоне, где все выписывали тогда газету "Боевая вахта". И только наши соседи выписывали "Красное знамя". Однажды, зайдя к ним, я увидела на столе эту газету и просто из любопытства пролистала ее. На последней странице среди объявлений прочитала о том, что объявляется дополнительный набор на отделение японского языка. Это был первый набор. Еще ничего не зная об этом, почему-то сразу решила, что буду там учиться. На тот момент я училась в 9-ом классе, и еще два года провела в школе на Русском острове. Потом мы переехали в город, и именно так все и случилось. И на всю оставшуюся жизнь. Хотя я уже третий год не работаю, но расстаться с японоведением не могу. Сейчас занимаюсь японской тематикой даже более активно, потому что появилось больше времени.

В 1970 г. вы получили диплом по специальности востоковед-филолог, переводчик с японского языка. Сегодня круг интересов, которые связывают вас с этой страной, выходит далеко за рамки языкознания. Как происходило ваше знакомство с Японией?

© Моргун З. Ф., 2024

Фото 1. На выставке в г. Находка (1968 г.). Слева направо: Мацудзакo, Е.В. Верисoцкая (Мищенко), Ж.В. Кучерук, З.Ф. Моргун.

Источник: личный архив З.Ф. Моргун

Фото 1. At the exhibition in Nakhodka (1968). From left to right: Matsudzako, E.V. Verisotskaya (Mishchenko), Zh.V. Kucheruk, Z.F. Morgun.

Source: personal archive of Z.F. Morgun.

Если вспомнить первую встречу с японцами, то это случилось по окончании первого курса. Нас несколько человек взяли проводниками на спецпоезд. Из Йокогамы теплоходом доставляли японцев в Находку, там они пересаживались на этот спецпоезд. 16 часов он шел до Хабаровска, дальше самолетом до Москвы, и далее в европейском направлении. Нас готовили как дипломированных проводников. Нам выдали форму, и я была назначена проводником в первом вагоне. И вот с огромными чемоданами на колесах с причала через железнодорожные пути японцы шли до поезда. Я стояла в стойке, на вытяжку, при берете и в форме. И выучила фразу: "итигося", то есть "первый вагон". Они шли толпой, а я должна была своих отсортировать, и говорила: "итигося". 36 человек прошло мимо меня в вагон, и никто не понял вообще, в чем дело. Этот первый рейс был на Байкал. На Байкале в тот 1965 г. проходил первый фестиваль дружбы советской и японской молодежи. Четверо суток мы путешествовали с ними до Иркутска. Потом я работала проводником на маршруте Хабаровск – Находка, мы мыли вагон внутри, застилали постели, ну и так далее, трудовая практика. В Находке (Владивосток был закрытым городом) в интерклубе также можно было увидеть японцев-моряков, которые работали на японских судах. Пока пришедшие в Находку суда стояли под выгрузкой или загрузкой, они посещали вечером интерклуб.

В Японию я попала уже будучи на втором курсе. В то время проводили круизы на теплоходах вокруг Японии для наших туристов из разных республик СССР. Круизы отправлялись из Находки, и нас туда брали официантками, но я не попала в эту привилегированную группу. Я и три моих одногруппницы были просто убор-

Фото 2. В резиденции принца Микаса-но Мия. Слева направо: З.Ф. Моргун, принц Микаса-но Мия, профессор Вакио Фудзимото, профессор Окаяма Ясуда.

Источник: личный архив З.Ф. Моргун.

Foto 2. At the residence of Prince Mikasa-no Miya. From left to right: Z.F. Morgun, Prince Mikasa-no Miya, Professor Wakio Fujimoto, Professor Okayama Yasuda.

Source: personal archive of Z.F. Morgun.

щицами. В нашу задачу входило мыть туалеты и души, убирать коридоры и лестницы. Хотелось жутко посмотреть Японию, но её на тот момент я видела только из иллюминатора теплохода, потому что, когда он стоял у причала, все туристы уезжали на экскурсии, а мы оставались. Оставались, потому что масса японцев шла посмотреть советский корабль. Мы должны были с ними общаться, показывать им теплоход. Кроме того, на стоянках в больших городах вечером устраивали для них концерт, потому что в составе круизов, обязательно была какая-то творческая группа, и мы тоже должны были там находиться.

Когда я закончила третий курс (1968 г.), уже активно стали развиваться связи с Японией, в том числе и туристические. И нас, группу студентов-японистов, отобрали для работы в московском "Интуристе", в качестве практики на лето. Мы прошли двухнедельную подготовку в "Интуристе", и все лето работали с языком. Хочешь – не хочешь, выкручивайся. Нас ставили на группы, и мы ездили по Советскому Союзу.

В 1994 г., по вашей инициативе, был возрожден основанный еще в начале XX века журнал "Известия Восточного института". Кто принял участие в реализации этой идеи? Как формировались содержание и структура журнала?

К тому моменту я уже в 1991 г. побывала на трёхмесячной стажировке в Японии, в Осацком государственном университете, и активно общалась там с профессором Вакио Фудзимото. Он тоже занимался темой японцев в России, но не так глубоко. Он собирал архивные материалы и заразил меня этим. После той стажировки я стала работать в наших архивах, где и обнаружила журнал "Известия Восточного института", который издавал Е.Г. Спальвин с 1899 г. Листая этот журнал,

подумала, а почему бы не зафиксировать то, что сейчас происходит в сфере востоковедения. Я решила попробовать возродить журнал, который будет освещать востоковедческие вопросы в ДВГУ и вокруг него. Эта идея родилась в 1993 г., а в 1994 уже шла работа над статьями, их сбор и обработка. И в 1994 г., в год, когда был воссоздан Восточный институт, вышел первый номер. Журнал выходил один раз в год, потому что было невероятно сложно собрать номер. Но тем не менее я твердо была уверена, что это необходимо, потому что, как и раньше, журнал должен был фиксировать все связанное с востоковедением, все, что могло быть полезным для будущих исследований. Нужно сделать это сейчас для тех, кто через 20, 50 лет займётся этой темой.

Проект журнала первым поддержал декан факультета японоведения С.Н. Ильин. Он позвонил ректору ДВГУ В.И. Курилову и получил его одобрение. Мне удалось привлечь многих авторов и не только местных. Например, у нас печатались китаист А.Н. Хохлов из ИВ РАН, академик В.С. Мясников и другие. С самого начала откликнулась Э.В. Ермакова, а также А.М. Буюков, А.А. Хаматова, С.Ю. Врадий, П.Э. Падалко, Е.В. Верисоцкая, В.В. Верхоляк.

Вскоре сформировалась и структура издания. Появились такие рубрики, как "Восточный институт: история и современность", "История", "Экономика", "Лингвистика", "Литературоведение", "Наши юбиляры", "Хроника жизни Восточного института". То есть изначально журнал был многодисциплинарным, широкого профиля.

Публиковались в журнале и иностранные авторы, прежде всего из Китая и Японии. Нами было выпущено четыре специальных выпуска по японской тематике, которые профинансировал Японский фонд.

Журнал выпускался силами небольшого коллектива. В редакцию, кроме меня, входило три человека: верстальщик, редактор (первоначально Л.Е. Кириллова) и корректор. Причем я в штат не входила и первые три года работала просто на общественных началах.

Вы давно и плодотворно сотрудничаете со многими японскими исследователями. О ком из них вы могли бы рассказать?

В круг японских ученых меня ввел Вакио Фудзимото. С Фудзимото я познакомилась в 1975 г. в Находке, где проводился первый международный молодёжный симпозиум (тогда – семинар). На тот момент я работала в Институте истории. Симпозиум проходил в Доме культуры моряков и был организован Комитетом молодёжных организаций СССР. Они собирали молодёжь, и не только научную, и доклады были как научными, так и политическими. Там были иностранные участники, например из Гватемалы, которые учились в Москве, в Институте дружбы народов, некоторые даже инкогнито. Это было общественно-политическое мероприятие, цель которого состояла в налаживании контактов. Симпозиумы проводились сначала в Находке, а затем во Владивостоке, который оставался тогда закрытым городом.

В то время Вакио Фудзимото был уже заведующим кафедрой в Осацком государственном университете. По достижении пенсионного возраста он стал ректором Осацкого университета экономики и права, сейчас уже почетным. Тем не менее Фудзимото продолжает приезжать во Владивосток. Он является основателем российского-японского симпозиума учёных ДВО РАН и японских ученых. Под его началом было проведено 35 симпозиумов в Японии, во Владивостоке и в Хабаровске.

Через Фудзимото я познакомилась с известным японским исследователем Тэраюки Хара, который написал книгу "Сибирская экспедиция. Революция и интервенция. 1917–1922". В 1991 г. я сопровождала Тэраюки Хара в его поездке в Амурскую область. Работая в архивах Японии по истории интервенции, он нашёл документы про село Ивановку, где японские интервенты в 1919 г. заживо сожгли жителей. Испытывая большое чувство вины, он хотел посетить это место. Тэраюки Хара с женой прилетел в Хабаровск (Владивосток был еще закрыт). Там я к ним присоединилась, долетели до Благовещенска и оттуда поехали в Ивановку. Мы

ехали туда на черной "Волге", по дороге он попросил остановиться, купил красные гвоздики. Когда прибыли в Ивановку, возложил эти цветы перед стоящим там обелиском и молился. Потом, уже в самой деревне, нас встретили и накормили обедом. Позднее Хара-сэнсэй описал эту поездку в своей статье.

В своих поездках по Японии я находила много интересной информации и новых источников. Так, в 1991 г. Вакио Фудзимото устроил мне посещение в Токио архива МИД Японии, архива Токийского государственного университета, а также Центра славяноведения на Хоккайдо с его библиотекой. Еще один пласт материалов – это частные семейные архивы японцев, в прошлом связанных с Владивостоком. Оттуда я много почерпнула. Например, в моей книге есть эпизод из истории японского предпринимательства во Владивостоке, о Кондо Сигеси. Японский журнал "Север" предложил мне написать статью о японцах во Владивостоке. Я тогда отправила им материал о японском предпринимательстве во Владивостоке в 1910-х – 1920-х гг. И в том числе там упоминался Кондо Сигеси. Этот журнал случайно попал в руки его внучки. Она взяла мой адрес в редакции журнала и позвонила, представилась, и мы часа полтора поговорили. Осенью этого же года дочь Киоко Мано и внучка Кадзуко Аикава приехали во Владивосток, я их встретила и показала те места, которые связаны с их предком, те здания, которые сохранились. Я несколько раз бывала у нее в гостях в Японии. У нее дома сохранились и фотографии того времени, но им была совершенно непонятна его деятельность во Владивостоке, а я уже к тому моменту поработала в Москве в архиве МИД РФ и нашла целые папки, посвященные Сэсэн Гуми. Когда они от меня узнали историю деда и отца, они были очень счастливы. Впоследствии Сигеси Кондо перевел свой бизнес из Владивостока в Харбин. И это достаточно типичный случай. В моей книге есть и в новой книге тоже будет большой раздел, посвященный этой семье. Это пример того, как ко мне попали фотографии из семейного архива, причём касающиеся не только одной семьи. Так, у меня не было фотографии Риэ Ватанабэ, японского консула во Владивостоке, а у них в семейном архиве она была, и я использовала в книге эту фотографию. Таких примеров немало.

Вот еще одна история. Я была в командировке в Москве, в Архиве внешней политики Российской империи МИД. В читальном зале мне показалось, что один из посетителей похож на японца. Подошла к нему и спросила. Оказалось, это профессор Коити Ясуда, очень известный в Японии русист. Он читал и делал выписки из дневника цесаревича Николая, который тот вел во время своего путешествия на крейсере "Память Азова". Это большой рукописный фолиант, заполненный мелким бисерным почерком Николая, с дореволюционной, конечно, орфографией. Какое мужество надо было иметь, чтобы разобраться с этим японцу! Господина Ясуда в тот момент очень интересовало, что написал Николай в своем дневнике после инцидента в г. Оцу, где полицейский ударил его шашкой. Мы поговорили с ним. Выяснилось, что он тоже из круга Вакио Фудзимото.

Профессор Ясуда с аспирантских лет был знаком с принцем Микаса-но Мия, братом императора Японии. У принца же было заведено собирать книги, издаваемые японскими издательствами, и затем дарить их известным зарубежным университетам. И Ясуда порекомендовал отправить очередной книжный дар нашему ДВГУ. Таким образом, в 1998 г. ДВГУ было передано 1400 экземпляров книг различного направления. До этого подобный же дар получил Ленинградский институт востоковедения. Эти книги выставлялись в читальном зале ВИ, а сейчас хранятся, видимо, в университетской библиотеке.

В 2015 г. в числе немногих россиян вы были удостоены награды правительства Японии – Ордена Восходящего солнца с золотыми лучами. Как это произошло?

До меня, еще в 1980-е гг., такой же орден был вручен В.В. Горчакову. Потом было долгое затишье. И вдруг однажды из консульства Японии мне позвонил секретарь и попросил уточнить информацию о себе. Это было весной, а осенью мне вновь позвонили из консульства и сообщили о том, что японским правительством было принято решение наградить меня этим орденом. Для меня, конечно, это было не-

ожиданным. Затем было вручение. Впоследствии такую же награду получили А.А. Шнырко и В.Л. Ларин. На мероприятиях, связанных с Японией, я всегда этот орден ношу. Нужно сказать, что к моему ордену прилагалась наградная грамота с личной печатью императора Японии, печатями премьер-министра Синдзо Абэ и министра иностранных дел. Видимо, принимая решение, японская сторона собрала сведения о том, что я к тому времени сделала. Я провела пять выставок, посвященных японской тематике, в том числе первую – в музее ДВГУ. При участии японской стороны был создан памятный знак Урадзю хонгандзи. Совместно с обществом "Япония – Приморский край" установлены памятные таблички на зданиях, связанных с историей японцев во Владивостоке. Также, по инициативе и при финансовой поддержке Генерального консульства Японии и Приморского государственного музея им. В.К. Арсеньева, издан путеводитель по японским местам Владивостока. Я предоставила для него исторические фотографии из своего архива и стала автором сопроводительного текста. Уже вышла в свет в 2014 г. моя книга "Японская мозаика Владивостока. 1860-е – 1937 гг."

За годы работы в Институте истории ДВО РАН, Восточном институте ДВГУ и ДВФУ вами опубликованы более сотни научных трудов. Но в 2010-е гг. в вашем творчестве появилось новое направление – научно-популярная литература. Что побудило ученого взяться за перо беллетриста?

Материалы для книги "Японская мозаика Владивостока" я собирала начиная с 1991 г. Я писала отдельные статьи, в том числе в журнал "Известия Восточного института". Когда надо было оформлять все собранное в книгу, задумалась над формой этого текста. Дело в том, что академический стиль письма труден для широкой аудитории, многие читатели не могут одолеть такую публикацию. Я долго обдумывала структуру книги, выбирала между хронологическим и предметным подходом. В итоге остановилась на том, что будет показан исторический фон, а на нем судьбы конкретных людей и, что очень важно, мое личное их восприятие. Судя по отзывам, такой текст легче читать. А исторический фон позволяет объяснить, почему происходило именно так. Таким образом и сложился мой персональный стиль работы. Еще один важный момент – это фотографии. Хотя издатели иногда недооценивают их, я считаю, что фотографии показывают и время, и людей так, как это не передать текстом. Поэтому, когда буду делать публикацию о Харбине, то буду добиваться, чтобы фотографии были крупным планом.

Еще до выхода "Японской мозаики" в 2011 г. был выпущен буклет, посвященный японцам во Владивостоке. В 1990-е гг. стало приезжать много японцев, не просто в качестве туристов, а группами, которые интересовались именно Владивостоком. Одна из таких групп была из Тоямы, от общества дружбы "Тояма – Приморье". В ее составе был Иноаки-сан. У него эта экскурсия вызвала большой интерес. Потом он прислал съемочную группу, и они сняли при моем участии фильм для японцев. Иноаки-сан предложил отметить японские места во Владивостоке табличками. Внимание к этому проявило и консульство Японии. Я провела экскурсию для сотрудинок и членов семей консульства по японским местам. В ходе нее возникла идея собрать эти места в единый маршрут. Идея эта получила поддержку и в японском консульстве, и в музее Арсеньева, директором которого тогда был В.Н. Соколов. Буклет с картой переведен и на японский язык и издан на средства японского консульства и Японского фонда. Активное участие в этом принял музей Арсеньева, предоставивший фотографии. Есть в буклете фотографии и из моего личного архива. Вакио Фудзимото выступил как редактор.

"Японская мозаика" вышла на русском языке в 2014 г. В 2016 г. она была переиздана в Японии. Эта книга была отмечена грамотой выставки-ярмарки "Печатный двор". Книга активно читается: только в Чеховской библиотеке с 2015 г. у нее было более 1000 читателей. Есть эта книга и в продаже. Не так давно, в декабре 2023 г., выпущено уже третье ее издание. Это расширенная версия "Японской мозаики Владивостока, в ней появились новая глава "Послевоенное Приморье: японский след" и хроника отношений Владивостока и Японии вплоть до 2022 г.

Ваша книга "Японская мозаика Владивостока" пользуется большим интересом читателей и выдержала уже ряд изданий. Полагаю, что в планах есть и новые книги. О ком или о чем они будут?

Сейчас я занимаюсь темой японцев-выходцев из Харбина. Эта тема возникла не вчера и даже не позавчера. Изначально, я хотела рассмотреть историю японцев в городах Дальнего Востока России, включая Владивосток, Дальнереченск (Иман), Хабаровск, Уссурийск, Сучан, Зея, Благовещенск и, естественно, Харбин. Тогда он был русским городом. Материалы об этих городах есть. Но, поскольку нельзя объять необъятное, в итоге я сосредоточилась на Владивостоке, в период до 1937 г. Когда я в основном завершила изучение Владивостока, то обратилась к следующему по значимости центру – Харбину. Дело в том, что, когда в 1909 г. отменили порто-франко во Владивостоке, многие крупные японские торговые фирмы перебазировались в Харбин, и там началась их новая история. Об этом, в частности, пишет в своей книге бывший харбинец Иэясу Куросаки. Он собрал свыше полутора тысяч открыток, посвящённых Харбину. По моему предложению, электронные копии этих открыток он передал в музей Арсеньева. Таких материалов по Харбину, как открытки и личные дневники, достаточно. В настоящий момент я занимаюсь биографией Никиты Ямасита. Он тоже выходец из Харбина, затем выступал в известной группе "Роял Найтс", весьма популярной в СССР исполнением песни "Журавли", а позднее участвовал в создании лесоторговой фирмы и торговле с Советским Союзом.

До Русско-японской войны японцев в Харбине было немного. Скорее, это были предприниматели, содержавшие публичные дома, лавки. Были и разведчики. Например, Куросаки передал мне копию схемы Харбина, составленную Исемицу, который открыв в городе фотографию, по сути, занимался шпионажем. Публичные дома, фотоателье вообще часто служили прикрытием для разведывательной деятельности.

Харбином в целом занимаются многие, но именно тема японского присутствия в нем слабо разработана. Главное, что не используют информацию выходцев из Харбина, которые сегодня моего возраста или чуть старше. Среди них есть полукровки, у которых матери русские, а отцы японцы. В Японии эти люди сохраняют связь друг с другом. Если успею, надеюсь подготовить по этой теме книгу.

Зоя Фёдоровна МОРГУН, канд. ист. наук, независимый исследователь, г. Владивосток, Россия, e-mail: zfmorgun@mail.ru

Zoya F. MORGUN, Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher, Vladivostok, Russia, e-mail: zfmorgun@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 09.07.2024

Принята к публикации
(Accepted) 07.09.2024